

СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

С. Т. Арекеева (Ижевск)

Роман Кедр Митрея «Секыт зйбет»

в зеркале критики 1930-х гг.

Роман Кедр Митрея «Секыт зйбет» («Тяжкое иго», 1929) сразу же после выхода вызвал ряд откликов, напечатанных на страницах журнала «Кенеш», авторами которых выступили критики и писатели. Итак, какой резонанс вызвал роман у современников, какой читатель взял в руки произведение, что его занимало в тексте и что он не принял, каковы идеалы и ценности тех, кто оценивал роман?

Макар Волков выразил свою позицию в двух статьях: «Кедра Митрей берлань лёгыштйз» («Кедра Митрей шагнул назад») и «Пулё Дангыр». В первой работе М. Волков в резких суждениях подчёркивает только неудачные стороны романа. «Гожтыны туж ик мыл уг поты: жо́ж но, курлык но кема, ёеч гож'ясылэсь ялам усто, чебер гожтэмзэ витиськод... «Вужгурт» бере «Секыт зйбет» сирез йыр'емлы, одйг интйын лёгаськемлы кельше. Вильзэ уг сёты: жвачка, трафарет. Куштэм, нокинлы ярантэм тема, вуж маке»¹¹ [Волков 1929: 29]. «Писать не очень хочется: и охватывают обида, и злость, от хорошо пишущего всегда ждешь мастерски, красиво написанного. После «Вужгурта» «Секыт зйбет» похож на жевание жвачки, топтание на одном месте. Ничего нового не дает: жвачка, трафарет. Никуда не годная, никому не нужная, старая тема»¹².

Чему же больше внимания уделяет Макар Волков? Как рассматривает и как оценивает образы героев? Например, он останавливается на такой сцене романа. Вортча Пужей жнёт овёс в поле со своей семьей, И вдруг из лесу выходит Дангыр и начинает им помогать. Макара Волкова волнует вопрос: кто такой Дангыр, почему гуляет в рабочее время? «Пёсь ужан вакыт, капчи гинэ, кин озы курттыса ветлэм. Книгаез лыдзись, мар понна мон сое гажалом: чеберез понна-а, удмурт Дон-Жуан луэмезлы-а? — шуоз... Дасо быдча книгайын адями возматэмын. Син азе одйгез но йыг-

---

¹¹ Здесь и далее цитаты приводятся в соответствии с цитируемыми источниками — без изменения стилистических, орфографических и пунктуационных особенностей.

¹² Здесь и далее подстрочные переводы автора статьи.

ыг уг пуксы” [Волков 1929: 29]. ‘Кто в такую страдную пору найдет время помогать. Читатель скажет, за что мне его уважать: за красоту ли, или за то, что он удмуртский Дон-Жуан? В книге показано около 10 человек. Ни один из них отчетливо не встает перед глазами’.

Рассматривая двух героев этого романа – попа Петыра и Дангыра – критик считает неясным, кто из них является главным и более привлекательным для читателя. По мнению автора рецензии, крестьянин, прочитав произведение, встанет на сторону попа, потому что он ведет работу с народом, учит удмуртский язык; в противоположность ему Дангыр – бездельник, оторван от народа, “разбойник, хулиган”. Любопытно, что автор не упускает случая сделать выпад против тех руководителей, кто игнорирует удмуртский язык: “Веть удмурт тӱроӧс пӱлын али но вань: удмурт шуса портфель басьто, удмурт кылзз кулэтэмэ потто, гуртэ потаны кышкало... Асьме тӱроӧс зйбыт уло, ичи шокало, портыса лэсьтоно мылкыдзэс уд шедьты” [Волков 1929: 30]. ‘Ведь среди удмуртских руководителей до сих пор есть такие: получают портфели как удмурты, а сами удмуртский язык игнорируют, в деревни выезжать боятся... Наши руководители живут слишком смиренно, бездеятельно, стремления чего-то добиться у них не обнаружишь’. Помимо этого, можно заметить, что Мака́р Волков оценивает текст романа не столько со своей позиции, но прежде всего подходит к нему с житейски-бытовыми мерками читателя-крестьянина, именно с его точки зрения он осуждает бесхозяйственность Дангыра, его пустую, бесполезную мечтательность.

Также М. Волков порицает автора за непонятный, сложный язык произведения: “Пумаз лыдзыса вуыны чидан ӧвӧл: мылкыд уг жутскы, бордаз чик уг герза. Чебер интыёсыз ичи, шер” [Волков 1929: 30]. ‘Нет мочи дочитать до конца: не вдохновляет, к себе совершенно не влечет. Красивых мест мало’. Рецензент безжалостно заявляет: “Мӱзмыт. Лыдзыны луонтэм секыт книга”. ‘Скушная. Невыносимо трудная для чтения книга’. Он также не согласен с тем, что произведение является романом, квалифицируя его как “большая история маленького дела”, “недоносок”.

М. Волкова коробит то, что писатель игнорирует современность: “Кедралэн Игошка сярьсь гожтыны “фантазия” вань, нош удмурт область вить арскын кыче луоз – сое гожтыны кытын фантазиез... Учконо ке туннэ улон бордысь асьмеӧс палэнын улйськомы. Социализм пӱзён жуын ум кисьмаське” [Волков 1929: 30-31]. ‘Написать об Игошке фантазия у Кедры есть, а где фантазия написать о том, какой будет удмуртская область через пять лет... Если взглядеться, то от сегодняшней жизни мы живем в стороне. Не горим в огне строительства социализма’. В конечном итоге критик допускает интерес к прошлому, но выступает против излишнего к нему внимания.

Свою безапелляционность Макар Волков объясняет высокими требованиями к талантливому писателю. Как ни парадоксально с сегодняшней точки зрения, полезным он называет только то, что Кедр Митрей своим романом показал, как нельзя писать.

В статье “Пулё Дангыр” Макар Волков акцентирует внимание на проблематике романа, связанной с христианизацией. “Христианство – тани «Секыт зйбет» книгэлэн сюлмыз, книгэлэн со бадзым героез. Христианство вань секытэныз, паськыт пласэн, вань гижыосыныз со пыдло, мур ужаса ульсь калык улон пёлы мертче” [Волков 1932: 73]. ‘Христианство – вот сердце книги «Секыт зйбет», это главный герой книги. Христианство всей своей тяжестью, широким пластом, изо всех сил (букв. всеми ногтями) вонзается в трудовую народную жизнь’.

По мнению М. Волкова, писатель умело показывает в романе наильственное внедрение христианства среди удмуртов, но недостаточно подчеркивает его классовый характер. На его взгляд, Кедр Митрей вместо классов ошибочно использует понятия “народ да удмурт”. Один из самых больших недостатков произведения критик видит в том, что не представлена сила, противостоящая гнету церкви. Подробнее всего Макар Волков останавливается на образах героев. Как же показывает автор Дангыра? – вопрошает М. Волков. “Дангыр – индивидуалист. Сое Кедр Митрей тылобурдоез кадэ эрикен, “вне классов” возыматыны турттэм” [Волков 1932: 76]. ‘Дангыр – индивидуалист. Кедр Митрей постарался показать его свободным как птица, “вне классов”’. Далее он рассуждает о том, что Дангыр без толку проводит свое время, у героя нет никаких целей, как бы плывёт по течению реки и не сопротивляется обстоятельствам, у него нет жизненной программы, он лишен цельности, т. к., изменяя себе, принимает крещение. Критик признает, что Дангыр умён, он часто философствует наедине с собой. Также он сказочно силен. Но эти особенности героя вызывают недоумение: для чего все это показано, если Дангыр в книге теряется? И автор статьи выносит суровый приговор: “Со жаль но тыныд уг поты, со сярьсь уд но чакласькиськы. Калыкен герзаськытэк, анархичный. Кедр Митрей сое революционно ик возыматыны малпа вылэм лэся. Пёрмымтэ. Дангырлэсь номыре уг поты” [Волков 1932: 77]. ‘Его тебе и не жаль, за него и не переживаешь. С народом не связан, анархичен. Кедр Митрей, видимо, пытался показать его революционером. Не удалось. Из Дангыра ничего не выходит’. Совершенно очевидно, что М. Волков в характерах героев хотел видеть прежде всего те стороны, которые говорили бы об их классовой сущности, о героической борьбе за новую жизнь или яростном сопротивлении классовым врагам.

Критик касается и образа Дыдык: девушка показана как птица, ей грустно, но причины ее грусти читателю понять трудно, то ли из-за того, что ей пора замуж, то ли она предчувствует какую-то беду. И всё это уже в начале романа отталкивает от героини, подчёркивает М. Волков.

Сопоставляя героев романа Дыдык и Дангыра, критик пишет: “Кедра Митрей Дыдыкезлы но Дангырезлы но романаз бадзым инты сётыса, соос пала кырзаса, асьмедыс Дыдыклэн но Дангырлэн но сылоно муз’ем вылазы султытыны тырше. Нош Дыдыклэн но Дангырлэн но сылоно муз’емзы өвёл, соос «Секыт зйбет» гожтйсен тыло-бурдоосын возматэмын. Бурд’ёссы ке луысал, соос оло кытчы но лобзысалзы. Соослэн бурд’ёссы өвёл. Соин, муз’ем вылын но улыны – мёзмо, инэ но лобзысалзы вылэм – уг быгато. Улонлэн сложной ёраз, соос кыкназы ик улыны но, улон понна нюр’ясыкыны но уг быгато. Отчы быдэсак нёдо но соослы – “кемыз, озы ик кулэ вал” шуса веран кылпумын берга” [Волков 1932: 79]. ‘Кедра Митрей, уделяя в романе большое внимание Дыдык и Дангыру, заступаясь за них, пытается и нас поставить на ту землю, на которой они стоят. Однако под ними нет земли, они показаны, как птицы. Если бы у них были крылья, они бы повсюду полетели. У них нет крыльев. Потому и на земле тоскуют, и в небо бы полетели – не могут. В сложном потоке жизни они не умеют ни жить, ни бороться. Там полностью увязают, и им таки хочется сказать: “поделом, так и надо”.

Отсюда мы видим, что М. Волков к образу Дыдык относится так же негативно, как и к образу Дангыра. Но важно то, что критик уловил их исключительность, необычность, их противопоставленность окружающему миру, им угадывается и возвышенная поэтичность персонажей. Макара Волков вновь сетует на то, что на фоне бездеятельных, неуспешных героев Петыр поп выглядит победителем, т. к. он с честью справился со своей миссией распространения христианства среди удмуртов.

По мнению М. Волкова, многие недочеты романа возникают из-за нечёткости расставленных автором классовых акцентов; критик жаждет окровленной позитивной развязки произведения.

Рассмотрим точку зрения на роман автора под псевдонимом Дэмлась. Статья под названием “«Секыт зйбет» романэз бугыръян” (“Разбор (букв. перепаживание) романа «Секыт зйбет»”) поделена на три части. В первой части “Роман азын – лыдзись берын” (“Роман впереди – читатель позади”) речь идет о том, чем порадовал роман. Так, в частности, Дэмлась высоко оценивает язык романа: нет непонятных слов, диалектные слова объяснены, характерна образность, индивидуализация речи героев, отсутствуют заимствования, используются короткие понятные предложения и т. д.

Дэмлась также уделяет внимание композиции романа и считает ее удачной, хотя всё-таки некоторые замечания у него есть: “Коть куд ёзлэн кутсконээлэсь кужмо дугдонээ, быдэс книгаез верано ке, пумыз кутсконээлэсь уно пол кужмо: мылкыдээ бордаз кыскись, быдэс романлэсь мугээ адзытысь кадь... Жоктонлэсь, чолтон сярись, кужмолыксэ К. Митрей тырмыт адзытыны быгатэм” [Дэмлась 1929: 42]. ‘У каждой части концовка сильнее зачина, это касается и всей книги, финал намного сильнее начала: он притягателен, раскрывает сущность всей книги... Развязку, по сравнению с завязкой, Кедр Митрею удалось показать достаточно убедительно’. Возможно, с этим замечанием современному критику и читателю трудно согласиться, однако надо отдать должное именно эстетической стороне суждения автора.

В разделе отзыва, озаглавленном “Кидыстэм кыдьёсыз” (“Шелуха без семян”), Дэмлась рассматривает образ Дангыра и, солидаризируясь с М. Волковым, считает его индивидуалистом. Дэмлась задаётся вопросом: почему автор не смог показать Дангыра в народной гуще? И сам же отвечает на поставленный вопрос: “Озы классовой ужез умой ёзнатэк кельтэмисьтыз, Дангырез но гожаьсылэн огназ кылем...” [Дэмлась 1929: 42]. ‘Из-за того, что не распознал классовые отношения, Дангыр у писателя остался один’. Желание видеть именно героя-коллективиста (“вемеё”), конечно, вполне соответствует духу времени; в этом смысле роман не рифмовался со своей эпохой, и главный герой данного произведения действительно выглядел “белой вороной”.

Дэмлась также замечает этнографический план романа и упрекает автора за то, что он введен очень скупой: “этнографической юбоен юнматыны кулэ вал книгаез” (‘книгу надо было укрепить этнографическим столбом’). По его мнению, следовало сделать больший акцент на таких чертах характера удмуртского народа, как застенчивость, сверхтерпение, боязнь, веру во что-то несуществующее, а также показать жизнь внутри семьи (семейные сцены). Позже, наоборот, многие критики отметят умелое изображение Кедр Митреем жизни и быта удмуртского народа – с этнографической точностью и красочностью.

Дэмлась полагает, что слишком много внимания уделено взаимоотношениям Дангыра и Дыдык, т. е. интимная сюжетная линия рассматривается как придаточная, отвлекающая читателя от главного. Кроме того, от внимания критика не ускользнула недостаточность картин природы в произведении, обнаруживаемых им только в начале романа.

В заключительной части статьи Дэмлась оценивает позицию М. Волкова по отношению к роману «Секыт зйбет» (“М. Волковлэн эскеремез сярись”), т. е. наблюдается своеобразная критика критики. Он не приемлет категоричность коллеги: “...веросээ мултэстэм выйытымон лёга”;

“...романлэн куд дыр повесть тус‘ёсыз вань ке, со понна “недоносок” шуэм кыл лекос чурыт кылйське кадъ” [Дэмлась 1929: 43]. ‘...излишне сурово отзывается о произведении’; ‘и хотя в романе встречаются некоторые черты повести, определение его как “недоносок” звучит чересчур жестко’. И самое главное, Дэмлась выдвигает очень важный и верный принцип оценки произведения – исходя из его объективной данности: “...сыће верослэсь мугзэ валанлэсь палэнске” [Дэмлась 1929: 43]. ‘...устраняется от выявления причин того, почему произведение именно такое’. В целом, Дэмлась более тонок в своих наблюдениях, являющихся по природе более эстетическими, нежели идеологическими, касается ли это языка или композиции произведения, пейзажных картин, образов героев.

И. Соловьев в статье “«Секыт зйбет» роман сярьсь” (“О романе «Секыт зйбет»”) детально и точно определяет тематику произведения. Как достоинство подчеркивает достоверное изображение жизни и быта удмуртского народа. “...ужамвылэмзэс, мылкыд сямзэс пуктыны, возматаны быгатэм. Удмурт мылкыд: ю-нянь, нюлэскан-пййшуран бордын” [Соловьев 1930: 42]. ‘Смог показать, изобразить занятия, традиции, быт. Душа удмурта в хлебопашестве, охоте’.

И. Соловьев довольно точно определяет специфику образа Дангыра: “Удмурт батыр – нюлэскась луоз, ас‘яз вамен‘яськись, ас‘яз виль йыллол улоназ пыртйсь, ачиз‘я ужась луз” [Соловьев 1930: 42]. ‘Удмуртский батыр – охотник, по-своему упрям, по-своему внедряет в свою жизнь новые традиции, по-своему работает’. Он также считает, что в романе на примере Дыдык достоверно показана судьба девушек, которых ради богатства выдавали замуж за богачей. Всё это, по мнению автора статьи, положительные стороны романа.

Слабую сторону произведения И. Соловьев, как и предыдущие критики, видит в том, что невнятно изображено сопротивление христианизации, в романе не показана противостоящая церковнослужителям сила.

Жомбо Очей в своём отклике “«Секыт зйбет» но сое тэкшерисьёс” (“«Секыт зйбет» и его критики”) обосновывает свое обращение к роману перекосами и смещениями, допущенными предыдущими рецензентами: “Кедра Митрейлэн «Секыт зйбетэз» сярьсь куинь-ньль мурт гожтйз ке но, нош но гожтытэк уг луы али. Малы ке шуимы, та романэз дун‘ясьёсмы, ваньмыз шуымон ик романлэсь куд-ог “вирсэрзэ” вандыса кельтэм порма каро. Со пумысен бадžым гинэ кырыж‘ёс но лэсьто” [Жомбо 1930: 58]. ‘Несмотря на то, что о романе «Секыт зйбет» написали три-четыре человека, приходится писать вновь. Потому что почти все, кто оценивает этот роман, как будто перерезают некоторые его “артерии”. Из-за этого допускают большие искривления’.

О. Жомбо считает, что некоторые пишут критическую статью, прочитав только начало и концовку произведения, и такие отзывы вредят развитию литературы, ибо подобными шаблонными словами, не подтверждаемыми текстом, нельзя оценивать литературу.

В центре внимания критика, так же как и вышерассмотренных авторов, образ Дангыра. С мнением М. Волкова, подводящего героя под статус “хулигана, разбойника”, О. Жомбо принципиально не согласен. В то же время их позиции по существу смыкаются, ибо и О. Жомбо упрекает Дангыра за индивидуализм, эгоизм: “...Дангырлэсь одйг но общество понна сюлмаськемзэ уд адзы. Весь ныл понна, тужгем ик но Дыдык понна собере аслэсьтыз улонзэ умятон понна малпаськемзэ адзод” [Жомбо 1930: 62]. ‘Дангыр совершенно не заботится об обществе. Можно видеть, что все время думает о девушке, о Дыдык, а также об улучшении своей жизни’. Констатируя, что герой находится в стороне от народа, автор статьи резюмирует: “...Дангыр кадь улыса социализм кабеныз уд сюры...” [Дэмлась 1930: 62]. ‘Живя, как Дангыр, социализм ни в какую не построишь, не сотворишь’. Таким образом, персонаж оценивается критиком с точки зрения идеала труженика, преобразователя общественной жизни, коллективиста; очевиден утилитарный подход к художественному образу с точки зрения его практической полезности.

Мысли О. Жомбо сходны с мыслями М. Волкова и в том, что образ попа получился убедительнее, привлекательнее, выигрышнее, нежели образ Дангыра: “...поп сюлмо ужа, калыкез ас палаз берыктэ, Дангыр, куанер мурт, ужаны уг быгаты – калыклэсь палэнске” [Жомбо 1930: 63]. ‘...поп работает с душой, привлекает на свою сторону народ, Дангыр, бедняк, работать не умеет – сторонится народа’.

О. Жомбо также опровергает выводы Дэмлася по поводу языка, который пишет, что роман написан на понятном языке. О. Жомбо наступательно полемизирует: “Таиныз но тупаны уг луы. Малы ке шуимы, роман ортчем вашкала удмурт улэм-вылэм тусэз возматэ. Озы луэм бере, солэн кылыз но вашкала сямен ик пуксыны кулэ вал. Татын нош сёриськыса, йөгаськыса быдмем туалы кыл” [Жомбо 1930: 22]. ‘И с этим нельзя согласиться. Потому что роман показывает прошлую жизнь удмуртов. Значит, и язык должен был бы ему соответствовать. А здесь испорченный, исковерканный до неузнаваемости современный язык’.

Также О. Жомбо отмечает, что автор показывает в романе показано множество событий прошлой истории, но когда они происходили, непонятно. “По-моему, – пишет автор статьи, – прошедшее время, воссозданное в настоящий период, не должно смешиваться с этим настоящим”.

И хотя в начале статьи Жомбо Очей критикует крайне категоричные высказывания некоторых авторов о романе Кедр Митрея, чувство вкуса,

интуиции в конце концов изменяет и ему самому: “Чеберлыко литература шбмыз романлэн кизер. Солэн йыр’ян шбмыз – героез, общество пöлы су-раськытэк, палэнын калгыса ветлэменыз, роман туж мбзыт, коняло-юмало луса потэм. Озы ик лыдзем я лыдземез поттысь “эмьюмез” но öвöl” [Жомбо 1930: 24]. ‘Слабо проявляется художественность. Из-за того, что главный герой существует отдельно от общества, роман вышел очень скучным, недозрелым. Также нет той приманки, которая бы по мере чтения усиливала интерес к нему’. В то же время критик прозорливо признает большой потенциал романа: “«Секыт зйбет» – туж кема ар’ёс чоже люкам чорыг ты со. Соин ик, кызы чорыгасьёс бадзым тысь, кутыны быгатисьёсыз, коть мар чорыг’ёсыз шедьто, озы ик асьмелэн жужась удмурт гож’яськисьёсмы но та романысь кулэ вашкала луэм уж’ёсыз шедьтозы” [Жомбо 1930: 24]. ‘«Секыт зйбет» – это большое озеро, в котором долгое время накапливалась рыба. Поэтому как рыбаки умеют из большого озера выловить всякую рыбу, так и наши начинающие писатели смогут извлечь из этого романа нужный материал о прошлом’.

Итак, как и у предыдущих критиков, у О. Жомбо больше всего нареканий вызывает образ Дангыра. Т. е. сама эпоха требовала изображения личности, единой с коллективом, массой народа. Человек-одиночка сразу вызывал подозрение. От героя ожидают классовой активности, а также более зримого коллективного сопротивления гнету угнетателей. Автор статьи тоже хотел бы видеть в романе классовую борьбу и богатыря, борющегося за справедливость. Весь свой анализ О. Жомбо даёт в сравнении с другими критиками, чьи отзывы вышли раньше его статьи. Но большой разницы в их позиции не ощущается.

Рассмотрим, как отзывается о романе В. Шигарев в своей статье “Кедра Митрейлэн творчествоз” (“Творчество Кедрa Митрея”). Критик, как и О. Жомбо, даёт анализ текста в сравнении с предыдущими работами.

С самого начала В. Шигарев обращает внимание на сюжетную линию романа и утверждает, что в романе два сюжета, а не один: “Кыче, мар сюжетэз та «Секыт зйбет» романлэн? Пыр-пыр валамон, адзымон сюжетэз öвöl. Сюжетэз талэн зэм ке верано, одйг öвöl, кык луэ. Нырысь ик христианство вöлмытон, кыктэтйез Дангырен Дыдыкен кусып” [Шигарев 1930: 25]. ‘Каков сюжет у этого романа? До конца понятного, явного сюжета нет. Если вправду, здесь не один сюжет, а два. Первый – это распространение христианства, второй – взаимоотношения Дангыра и Дыдык’. По-видимому, В. Шигарев усматривает в этом отсутствие цельности произведения. Хотя главными героями считает христианство и церковь.

Он же отмечает, что Кедр Митрей неверно подошел к изображению церковнослужителей, нарисовав их поистине героическую деятельность среди удмуртов. Главный герой романа, по мнению Шигарева, оказывается вдали от деревенской жизни: критик называет его половинчатым “босяком”, “непоследовательным”. Вслед за другими, автор рассматриваемой статьи выражает неудовольствие по поводу того, что Дангыр показан как индивидуалист. Но В. Шигарев категорически не согласен с оценкой Макара Волкова, который называет Дангыра “разбойник, хулиган”. Критик полагает, что Дангыр изображен как богатырь, однако он лишен отцовского размаха: “Вакчияк вераса К. Митрейлэн бадзым героез кисьмаса вуэмын өвёл... Тужгес кисьмамтэ интыёссэ Дангырлэсь айызэ тодэ ваем бере, ваче пуктыса тодоно луэ. Айыз революцилы бадзым адями луэ. Куанер калыкез валэктэ, сое пумитаськон сюрес вылэ пуктэ. Со понна ик сое тюрмае виё. Дангыр солэн пичи челиез гинэ” [Шигарев 1930: 30]. ‘Если кратко, то главный герой Кедр Митрея еще не созрел, не сформировался. Особенно его незрелость видна в сравнении с отцом. Отец – большой человек в революции. Проводит работу среди народа, наставляет его на путь борьбы. За это и убивают его в тюрьме. Дангыр – лишь его мизинец’.

Впервые, на фоне других рецензентов, В. Шигарев выявляет романтическую природу романа, но ставит это в укор Кедр Митрею: “«Секыт зйбетын» романтизм шöмыз вань... Пролетар литературае уно романтизм пычаны кутскиз ке, золэз бордысь люкиськон сюрес но кыдэкин уг лу ни. Туннэ нуналлэсь, уж‘ёслэсь урдсаз кожон сюрес луэ” [Шигарев 1930: 36]. ‘У романа «Секыт зйбет» есть черты романтизма... Если пролетарская литература впитает много романтизма, то может потерять то самое сильное, что имеет. Это путь, ведущий в сторону от сегодняшнего дня, дел. Критик ратует за литературу с пролетарским началом, за марксистско-социологический метод исследования.

К чести В. Шигарева, он высоко отзывается о языке Кедр Митрея и, более того, заявляет, что многим писателям надо у данного автора учиться.

Проанализировав ряд критических статей, мы не раз уже убеждались в том, что критики-современники упрекают автора за героя – бунтаря-одиночки. По их мнению, он должен быть сознательным и вести за собой других. В. Шигарев, наряду с другими, подчеркивает неоднозначность образа Дангыра, хотя и отвергает резкие суждения М. Волкова.

Остановимся на интерпретации романа «Секыт зйбет», данной А. Бутолиным. Какую же оценку даёт он произведению? А. Бутолин, будучи

автором учебника, впервые дает развернутый, систематизированный анализ романа, который охватывает разные уровни текста, имеет ряд точных “попаданий”, однако не лишен тенденциозности.

Во-первых, А. Бутолин в своей работе кратко излагает содержание романа и дает общую оценку всему роману: “«Секыт зйбет» быдэс удмурт литератураын но, Кедр Митрейлэн творчествояз но нырысьсэ потэм роман луэ. Авторезлэсь но, советской удмурт литературалэсь но бадзым будэмзэ возьматэ «Секыт зйбет». Кедр Митрейлэн идеологической перестройка ласянь туж кыдёке азыланьскемзэ, пролетар идеологиез киултэмзэ юнматйсь луэ роман” [Бутолин 1935: 62]. ‘«Секыт зйбет» первый роман как во всей удмуртской литературе, так и в творчестве Кедр Митрея. Он свидетельствует о большом росте и автора, и всей советской удмуртской литературы. Роман демонстрирует большое продвижение Кедр Митрея в плане идеологической перестройки, овладения им пролетарской идеологией’. Как можно увидеть, автор учебника, в противоположность другим, обнаруживает идеологическую, классовую выдержанность произведения и ставит ее во главу угла.

По мнению А. Бутолина, «Секыт зйбет» правдиво отображает историю в связи с использованием марксистского подхода: “Отын история шоры марксизмо мировоззрением учкон умой чеберлыко образьёс пыр, котькинлы но валамон возьматэмын” [Бутолин 1935: 63]. ‘В нем взгляд на историю в призме марксистского мировоззрения показан через яркие художественные образы, доступно для всех’. Автор учебника обращает внимание на национальную и интернациональную проблематику романа: “Кедр Митрей бадзымесь националистической ошибка лэсьтылйз шуса тодйськом ини. “«Секыт зйбетын» удмурт‘ёсты, татар‘ёсты (бигер‘ёсты) но зуч‘ёсты возьматэса, автор трудовой калыклэсь интерессы одйг луэмзэ, интернациональной луэмзэ возьматэ” [Бутолин 1935: 66]. ‘Мы уже знаем о том, что Кедр Митрей совершал большие националистические ошибки. Изобразив в романе удмуртов, татар и русских, автор показал единство интересов трудового народа, проявил себя интернационалистом’.

А. Бутолин подробнее останавливается на изображении главного героя романа – Дангыра. Образ Дангыра – это лучшее, что есть в романе, – считает А. Бутолин. Критик указывает на то, что автор поэтизирует образ Дангыра, показывает его лирически и романтически: “Дангырлы характеристика сётонзэ гож‘ямысьтыз Кедр Митрейлэсь лирической талантсэ, котыр улон шоры, дунне шоры шуньт, романтически учкемзэ, адымез, солэсь психологизэ тодэмзэ умой адзиськом” [Бутолин 1935: 68]. ‘Из характеристики Дангыра мы видим лирический талант Кедр Митрея, романтическое видение окружающего мира, хорошее знание

человека, его психологии. С другой стороны, А. Бутолин, не будучи оригинальным, считает ошибкой изображение главного героя как одиночки-бунтаря: "...укур Дангырзэ вылэ жутэмез бордысь, туж нимазгес вис'яса возматэмез бордысь быдэс романлэн тырмымтэосыз но адско" [Бутолин 1935: 68]. 'В излишнем возвышении Дангыра, изображении его как индивидуалиста видны и недостатки всего романа'. Критик отмечает: "Огнын нюр'яськонлэсь, террорлэсь пайдатэмзэ Дангыр вала, нош трос кузя кутскон сярэсь, бубыезлэсь быремзэ малпаса, тожо пайдаез уз луы шуса малпа... Дангыр озы оппортунист кадь луэ, пессимизме усе" [Бутолин 1935: 70]. 'Дангыр осознает бесполезность борьбы в одиночку и террора, но в коллективном восстании, памятуя о гибели отца, тоже не видит пользы... В итоге Дангыр походит на оппортуниста, попадает в пессимизм'. По мнению Бутолина, таким образом автор подчеркивает бессмысленность коллективных выступлений против царского правительства. Разумеется, это наглядный пример вольного тенденциозного толкования текста, приписывания ему того, чего в нем нет.

А. Бутолин в своем учебнике выделяет отдельный раздел, посвященный средствам выразительности в романе «Секыт зйбет», где фиксирует удачное сцепление частей, глав произведения, наличие обрамления: "Роман одйг быдэс тырмытэм концентр кадь, котрет кадь луэ. Сюлэм эктонэн кутске, сюлэм путонэн быре" [Бутолин 1935: 71]. 'Роман похож на один концентр, на круг. Начинается с танца сердца, заканчивается разрывом сердца'. Бутолин не без основания высоко оценивает индивидуальный язык героев, обращает внимание на поэтику имен. В целом, усматривая высокохудожественные черты романа, в том числе лиричность, поэтичность и романтичность главного героя, его психологизм, А. Бутолин продолжает руководствоваться идеологическими подходами, привносит в свою работу политические оценки.

Итак, сделаем выводы по рассмотренным работам, обобщим, чему больше внимания уделяют критики-современники. В целом, их оценочные суждения по своему уровню не очень отличаются друг от друга, и говорят они об одном и том же. Авторы отзывов высказываются о героях произведения, о языке, сюжетно-событийной основе романа, его композиции, соотношении прошлого и настоящего, истории и современности, этнографических чертах и т. д. Высказывания современников о романе Кедре Митрея «Секыт зйбет» в большинстве своем излишне строги, не всегда объективны: суд читателя-современника особенно пристрастен. Наряду со справедливыми претензиями, тонкими замечаниями, прозорливыми наблюдениями их отзывы содержат неоправданно резкие оценки, бескомпромиссные, иногда даже нелепые, суждения. Оче-

видно, что авторам статей не удалось уловить всего богатства содержания романа. И главная причина в том, что эстетические вкусы, оценки критиков находились под прессом идеологии социализма. Неудивительно, что в 1930-е гг. герой-одиночка, герой-индивидуалист вызывал искреннее недоумение, непонимание, отторжение критики.

В клубке мнимо-разнохарактерных суждений наблюдается единство узко-классовых оценок. Ощутилось проявление житейски-бытового подхода к произведению; воплотились представления об утилитарных задачах литературы. Современники Кедре Митрея восприняли “Секыг зйбет” прежде всего не как эстетический феномен, а как практический инструмент воздействия на читателей и воспитания их в идеологическом ключе.

Что касается авторов, то М. Волков, Дэмлась, И. Соловьев, О. Жомбо, В. Шигарев во временном плане идут буквально по следам автора, а А. Бутолин хотя бы в малой степени уже дистанцирован от романа Кедре Митрея, но это не обусловило объективности его оценок, ибо в середине 1930-х гг. наблюдается еще большая идеологизация и политизация литературы, поэтому автор то и дело оперирует понятиями “марксизм”, “пролетарская идеология” и т. д.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бутолин А. С. Удмурт литература: средней школары учебник. 6 но 7 классъёслы. Ижевск, 1935. 62–72-тй б.

Волков М. Кедре Митрей берлань лёгыштйз (“Секыг зйбет сярьсь”) // Кенеш. 1929. 9-тй №. 29–31-тй б.

Волков М. Пулё Дангыр // Пролетар литература понна. Критика сборник. Ижевск: Удгиз, 1932. 73–81-тй б.

Дэмлась. “Секыг зйбет” романэз бугырьян // Кенеш. 1929. 12–13-тй №. 41–44-тй б.

Жомбо О. “Секыг зйбет” но сое тэкшерисьёс // Кенеш. 1930. 9–10-тй №. 58–64-тй б.; 11-тй №. 22–24-тй б.

Соловьев И. “Секыг зйбет” роман сярьсь // Кенеш. 1930. 3-тй №. 42–43-тй б.

Шигарев В. Кедре Митрейлэн творчествоз // Кенеш. 1930. 11-тй №. 25–30-тй б.; 12-тй №. 36–41-тй б.